

МАСТЕР ДЕТЕКТИВА

АНТОН ЧИЖ

«Лабиринт Ванзарова»
завершает цикл «Машина страха»
и трилогию «Лабиринт Просперо»,
«Лабиринт Химеры»,
но может читаться
как самостоятельное
произведение.

АНТОН
ЧИЖ

ЛАБИРИНТ
ВАНЗАРОВА

МОСКВА
2023

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Ч-59

Редактор серии *Е. Ирмеш*
Художественный редактор *А. Дурасов*

Чиж, Антон.

Ч-59 *Лабиринт Ванзарова* : роман / Антон Чиж. — Москва :
Эксмо, 2023. — 448 с.

ISBN 978-5-04-186578-8

«Лабиринт Ванзарова» завершает цикл «Машина страха» и трилогию «Лабиринт Просперо», «Лабиринт Химеры», но может читаться как самостоятельное произведение.

Конец 1898 года. Петербург взбудоражен: машина страха погибла, нужно новое изобретение, выходящее за границы науки. Причина слишком важна: у трона нет наследника. Как знать, возможно, новый аппарат пригодится императорскому двору. За машиной правды начинается охота, в ходе которой гибнет жена изобретателя... Родион Ванзаров единственный из сыска, кому по плечу распутать изощренную загадку, но сможет ли он в этот раз выдержать воздействие тайных сил и раскрыть замысел опасных преступников?

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-186578-8

© Чиж А., текст, 2023
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2023

Запутанные ходы в недрах нашей души простираются так далеко, что мы можем ожидать невероятных на первый взгляд открытий. Они содержат такие богатые сокровища, что следовало бы привлечь к сотрудничеству каждого психолога и сказать ему: возьми лопату, кирку и сам копай.

*Max Dessoir. «Das Doppel-Ich»,
с. 60, Лейпциг, 1896*

21 декабря 1898 года, понедельник¹

Благодаря наступившему морозу понизились на 25 процентов цены на битую птицу и другую провизию, продаваемую к празднику на столичных рынках.

*«Петербургский листок»,
21 декабря 1898 года*

• 1 •

Вьюга рыскала по улицам, проспектам, площадям. Искала кого-то в окнах, дворах, подворотнях. Заметала Петербург морозной пеленой. Висла на усах городских снежной шубой. Донимала ознобом запоздалого прохожего. Подгоняла пролетку, бегущую по хрустящему снегу. Искала и уносила прочь, прочь, прочь из этого мира.

Город спал, убаюканный декабрьской вьюгой. Спали чиновники, барышни, офицеры. Спали кухарки, гимназисты, учителя. Спали приказчики, аристократы и дворники. Спали актрисы, фабриканты, студенты. Спали швейцары, половые и купцы. Спали воры, нищие и арестанты. Столица спала. Вида во снах скорые праздники, многие радости и щедрые дары.

Окна в доходном доме были темны. Только в окне третьего этажа мерцал огонек. Комнату освещала свеча. Подсвечник поставили рядом с зеркалом в бронзовой раме, в каких барышни

¹ Все даты даются по старому стилю. По новому стилю: 4 января.

присматривают за красотой. Зеркало держалось на невысокой этажерке, плотно заставленной книгами. Легкую мебель перенесли близко к обеденному столу, на котором находилось иное зеркало. Зеркала смотрелись друг в дружку. Огонек свечи робко заглядывал в бесконечный лабиринт отражений, дивился, вздрагивал.

Меж зеркалами сидел мужчина, развернув стул так, что локти опирались на резной край спинки. Веки сомкнуты. Лицо напряжено. Кулаки сжаты.

— Пора... Пора, — сказал он, зажмурился накрепко и глубоко задышал.

Огонек свечи дрогнул, отражения повторили за ним.

Ослабив кулак правой руки, господин выставил указательный палец и медленно направил к зеркалу. Подушечка коснулась зеркальной поверхности. Палец замер и продвинулся еще. Зеркалу деваться было некуда. Приходилось терпеть грубое тыканье.

Палец напирал сильнее. Зеркало еле держалось на гнутых ножках. Палец вел себя возмутительно. Давил и наседал. Возразить ужасным манерам зеркалу было нечем. Оно сдвинулось к краю этажерки. Еще немного, и упадет. Но тут палец замер.

Не открывая глаз, господин разжал левый кулак. В ладони оказалась узкая дощечка с приделанным шнурком: концы закреплены, середина свободно изгибается буквой U. Господин дернул шнурок, потом еще раз, затем сильнее. Что-то треснуло. Открыв глаза, он обнаружил, что шнурок болтается оторванным.

Швырнув дощечку, господин вскочил.

— Бесполезно! — прохрипел он. — Что же такое... Собрано, как должно: концентрация, мыленное усилие, вектор воли. Точно по записям... Почему же...

Глянув в коридор отражений, он отодвинул зеркало от опасного края, сел. Закрыв глаза, унял дыхание. Подождал, сидя в тишине. И протянул к зеркалу ладонь.

Огонек вздрогнул.

Ладонь коснулась стекла. Зеркало послушно сдвинулось. Ладонь насадала. Зеркало отступило к краю этажерки. Ладонь преследовала. Зеркало молило о пощаде, ладонь была настойчива. Зеркало держалось, сколько могло, пока под ним не оказалась пустота.

Тихий шорох и грохот осколков.

— Почему? Почему? — услышал огонек.

Ответа огонек не знал. Ответа не было. И успеха не было. Успех подарит безграничные возможности. Не будет невозможного. Все, что было невозможным, станет возможным. Вернуть невозвратное. Исправить неисправимое. Границы возможного исчезнут.

Господин поднял брошенный лист. Строчки плясали и прыгали. Он перечитал и убедился: сделано верно. Почему же опять неудача?

Вероятно, что-то упущено... Что-то осталось скрытым...

Он вскочил, отшвырнул стул, ударил кулаком уцелевшее зеркало. На полу прибавилось осколков, блестящих снежной россыпью.

— Идти до конца, — прошептал он. И смахнул подсвечник.

Огонек пал, ухватился за листок, стал крепнуть. Ботинок затоптал его. Взлетел дымок. И сгинул в темноте.

— Понять, понять: в чем ошибка? Что сделано не так?

Он глянул в темный угол комнаты. Ответы скрывались там, но до них не добраться. Ну и пусть. Теперь уж нечего терять. Надо успокоиться, остыть, найти выход. Иначе всему конец. Все погибнет. Все будет напрасно...

Бешенство мучило. Он ударил ногой по этажерке, с глухим стуком посыпались книги, отшвырнул стул. Нельзя, нельзя, нельзя... Надо остановиться...

Он бросился к окну, припал лбом к морозным узорам. Стекло поцеловало холодком. Стало легче.

Сквозь хлопья снега на той стороне улицы сонной скалой темнел дом. Ни огонька в окнах. Спят... Пусть спят... Им знать не положено... Никому знать нельзя. Тайной невозможно поделиться. Придется самому... И будь что будет...

В ночи стонала декабрьская выюга. Искала кого-то, кто поймет ее бессонное метание. Искала того, кто утешит. Искала близкую душу, одинокую, как она. Заглянула в окно, за которым виднелся смутный силуэт, метнула белым облачком и понеслась прочь. Нет ей ни сна, ни покоя, ни утешения. Ни в эту ночь, никогда.

Как нет покоя душе, сжигаемой желанием.

22 декабря 1898 года, вторник

Новое средство от чахотки.

Проживающий в Петербурге врач И. Л. Безчинский, как нам передают, открыл новое средство для лечения туберкулеза, которое было уже с успехом испытано на многих больных. Средство представляет собою озонированную жидкость, составные части которой держатся пока в секрете. В настоящее время г. Безчинский готовит обширный доклад о своем средстве для представления в Медицинский департамент.

*«Петербургский листок»,
22 декабря 1898 года*

• 2 •

Вера Сергеевна считала себя женщиной прогрессивной. То есть не верила в религию, спиритизм, переселение душ, посмертные видения, магию, гадание на картах, чудеса индийских факиров, привидения и предсказание цыганок.

Как любящая жена, она не только помогала мужу в научных опытах, но и целиком разделяла его взгляды. В сухие правила науки она добавляла восторженность. Если кто-то имел неосторожность похвалить спиритический сеанс, Ве-

ра Сергеевна налетала с такой страстью, что несчастный зарекался спорить с женщинами.

Строго научный, то есть правильный, взгляд на мир обрел цепного пса в юбке. Если бы Вера Сергеевна родилась в Древнем Риме и оказалась женой Цезаря, она бы с таким же усердием скармливала львам первых христиан, посмевших отрицать олимпийских богов. Мягкость характера мешала ей сжигать на кострах нынешних еретиков, усомнившихся в мудрости современной науки, которая отрицает все, чего не может быть.

Вера в мужа и его опыты была так глубока, что Вера Сергеевна пошла еще дальше: не замечала движения души, наличие которой наука отрицает. Она гнала предчувствия, которые изредка нашептывали ей кое-что. Если предчувствие тихонько стучалось в сердце, Вера Сергеевна нарочно поступала наоборот. Когда же случалось так, как было предсказано, она упрямо отрицала связь, объясняя случайностью и прочими разумными причинами.

Нынешним утром предчувствия вели себя дерзко. Прежде, замечая что-то такое, Вера Сергеевна сметала смуту вон. Сегодня дурные предчувствия были сильны как никогда. Еще вчера проводив мужа, она осталась в квартире одна. Ночью спала мирно, ничего не боялась. Почему же утром предчувствия накинудись на беззащитную женщину? Она отмахивалась, отбивалась, сопротивлялась, старалась не замечать. Ничего не вышло. Вера Сергеевна ощутила дыхание беды, чего-то столь нехорошего и даже страшного, что отдавалось морозцем по коже.

Хотя с чего вдруг? Откуда взятая беде?

Последнее время дела мужа поправились: у него появились пациенты. Неделю назад они переехали в пристойную квартиру: доходный дом на Казанской улице вместо убогой квартирки в Коломне¹. После многих лет мучительной бедности, когда приходилось отказывать себе во всем, появились деньги.

¹ Бедный район Петербурга.

Долги еще имелись, но самые неприличные, прачке и мяснику, Вера Сергеевна уже вернула. Сияние достатка виднелось невдалеке.

Отношения с мужем за прожитые годы окрепли. Они стали как две половинки магнита. Хоть детей у них не было, Вера Сергеевна считала, что важнее материнского счастья научные достижения мужа. Ради них она готова была пожертвовать всем. И жертвовала: ходила в старом полушубке, поношенных ботиночках, имела два платья, да и то штопаные. Фамильные украшения ее матери и обручальное колечко давно были заложены. Пустяки по сравнению с великой целью, к которой стремится муж.

И вот получены реальные доказательства, что открытие, ради которого положено столько трудов, будет оценено по достоинству: муж сообщил, какой чести был удостоен. О чем же тревожиться? Совершенно не о чем. Эти доводы рассудка Вера Сергеевна упрямо повторяла. Предчувствия слушали и покалывали сердце тревогой.

Побродив по квартире, Вера Сергеевна поняла, что больше не может мучиться. Надо занять себя делом, и пустые страхи слетят, как пыль. Дел перед Рождеством у хозяйки множество. Кухарки еще нет, все приходится самой. Ничего, скоро в доме появится прислуга.

Вера Сергеевна прикинула самые насущные хлопоты: во-первых, елка. Затем надо запастись рождественским гусем, которого она умеет запекать с хрустящей корочкой. Столько лет не могли позволить себе гуся на Рождество. Муж обожает. Еще для праздничного стола всего закупить. Еще подарки. Мужу и знакомым. В этом году надо отдать рождественские визиты. Сколько лет было стыдом делать визиты в старом платье, да и подарки купить не на что. Нужно новое праздничное платье, о котором мечтала. Пусть не сшитое у модистки, готовое, но уже радость.

Нет, платье подождет. Гусь важнее. Вера Сергеевна предстала: сейчас идти в мясную лавку, торговаться с мясником, нести тушу до дома, укладывать в ледник. Ох... Она

согласилась, что гусь подождет. Чем ближе праздник, тем приказчики уступчивее. Завтра купит. Сегодня есть дело важнее.

Она открыла шкатулку, в которой появилось несколько купюр. Вера Сергеевна редко видела десятки, обычно мелочь и рублевки. Как богачка, не считая, взяла ассигнацию, сунула в шелковую сумочку, верную подругу многих лет и отправилась в прихожую. Занявшись важными хлопотами, Вера Сергеевна проверила: предчувствия притихли, но не исчезли.

На улице жег мороз. Полушубок не грел. Вера Сергеевна привыкла. Согревали радостные мысли. На другой стороне улицы извозчик привез даму в лисьей шубе, увешанную ворохом кулчков, коробочек и свертков. Идти до места, куда собралась Вера Сергеевна, было минут пятнадцать неторопливым шагом. В такой холод трудно решиться на прогулку.

Вера Сергеевна перебежала улицу, залезла в пролетку и накрылась облезлой войлочной накидкой. Она приказала на Сенатскую площадь. Извозчик запросил двугривенный¹. Цена безбожная, но торговаться не стала, чтобы не портить праздничное настроение.

В нынешние рождественские праздники городская дума осчастливила Петербург мудрым решением: елочный базар с ларьками, торгующими подарками, перенесли от Гостиного двора, где издавна располагалась ярмарка, к Сенатской площади: от памятника Петру Великому до Александровского сада. Заботу горожане не оценили. Придя за елками и подарками и не найдя рождественские ряды, они ругались и разбрелись по ближайшим магазинам. В Гостином дворе и Пассаже царила праздничная сутолока, а на Сенатской было пусто. Мороз и привычка покупать там, где заведено, оказались сильнее.

— Извольте, мадам, приехали...

¹ 20 копеек.

Сунув извозчику две монетки, Вера Сергеевна с приятным томлением оглядела праздничный торг. Давно не могла позволить себе маленькую радость: выбирать подарки. Глупость, а как приятно. Чего тут только нет: бакалейный и басонный товар, игрушки и картины, искусственные цветы и книги, медная и фарфоровая посуда, часы и трости, зеркала и пропасть всего, от чего глаза разбегаются.

Меж тем среди изобилия покупателей почти не было. Торговцы скучали «без почина», топтались, хлопали по плечам, бокам и спинам, чтобы согреться. Вера Сергеевна решила осмотреться, не задерживаясь, чем печалила торговцев.

Обойдя ряд ларьков, она оказалась у елок. Елки были хороши, так и просились в дом. Вера Сергеевна представила: грузить елку в пролетку, потом просить извозчика донести до квартиры, платить сверху... Нет, лучше купить ближе к дому: мясники ставят елки у лавок, продают задешево постоянным покупателям. Тут же к услугам нищие, которые за гривенник готовы донести покупку куда прикажут. На праздник дело налаженное.

Вера Сергеевна окончательно отказалась покупать елку. Чем глубоко ранила торговца Спиридонова, который изготавился всунуть небогатой даме елочку попроще. И топориком заманчиво поигрывал.

Прогулка в ботиночках с дырявой подошвой даром не прошла: от холода Вера Сергеевна ног не чувствовала. Вернется завтра и купит подарки. Все же уехать с пустыми руками было жаль. В ларьке с книгами выбрала красивый том, о котором мечтал муж. Заплатила и побежала к пролеткам.

Поднявшись по лестнице, Вера Сергеевна сунула ключ в замочную скважину и нажала. Ключ не поворачивался. Она машинально крутанула в другую сторону. Замок послушно защелкнулся. Вера Сергеевна обладала ясным умом, чтобы сообразить: замок был открыт. Как же так? Она всегда тщательно запирает. Перед уходом проверила, дверную ручку дернула. Точно помнит. Неужели воры? Так ведь у них красть нечего...